

Сесилия Ахерн

автор мирового бестселлера
«P.S. Я люблю тебя»

Женщина,
у которой
выросли
крылья

впервые на русском!

Сесилия Ахерн

**Женщина, у которой
выросли крылья (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111-055.2Ахерн
ББК 84(4Ирл)-44

Ахерн С.

Женщина, у которой выросли крылья (сборник) / С. Ахерн —
«Азбука-Аттикус», 2018

ISBN 978-5-389-16017-0

Новая книга блистательной Сесилии Ахерн, автора международных бестселлеров. Неожиданный выбор сюжетов и тем в лаконичном формате коротких рассказов. В повседневный мир вплетаются фантастические сюжеты, вторгаются магические силы. Безымянные героини узнаваемы, это совершенно обычные женщины в необычных обстоятельствах, которые меняют их жизнь, заставляя измениться их самих. Найти силы для превращения, обрести крылья – задача каждой из них. Они сумеют.

УДК 821.111-055.2Ахерн
ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-389-16017-0

© Ахерн С., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

1	6
2	12
3	15
4	18
5	22
6	27
7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сесилия Ахерн

Женщина, у которой выросли крылья

© 2018 Cecelia Ahern

Фотография автора на обложке © Matthew Thompson Photography

© Ерьско К., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

Издательство Иностранка®

* * *

Всем женщинам, которые...

Я женщина, услышь мой крик¹...

¹ Строка из песни «I am a woman», написанной певицей и композитором Хелен Редди в соавторстве с музыкантом Рэем Бертоном в 1971 году. – *Здесь и далее прим. ред.*

1

Женщина, которая медленно исчезала

Постучав, медсестра Рада входит и аккуратно закрывает за собой дверь.

– Я здесь, – тихо говорит она.

Рада оглядывает палату, пытаясь определить, откуда раздается голос.

– Я здесь, я здесь, я здесь, я здесь, – твердит голос, пока медсестра шарит взглядом по всем углам.

Где-то возле окна... Взгляд ее упирается в белые разводы на стекле – это дождем за три дня размыло птичий помет. Нет, надо ниже и правее.

Она тихо вздыхает, сидя на подоконнике. Окно выходит на университетский городок. Она легла в университетскую клинику, надеясь, что ее здесь вылечат. Как бы не так! Шесть месяцев она провела здесь в качестве лабораторной крысы. Все эти ученые доктора только зря измучили ее, искололи и истыкали, в напрасных попытках выяснить, что с ней не так и что с этим делать.

У нее нашли редкое генетическое расстройство, которое провоцирует прозрачность хромосом. Нельзя сказать, что они разрушались, мутировали или еще что-нибудь – функции ее органов были в полном порядке, все анализы показывали норму, она просто становилась невидимой.

Это происходило постепенно, вначале едва заметно. «Ой, простите, я вас не видел», – то и дело приходилось слышать ей, когда ее толкали, об нее спотыкались или наступали ей на ноги. Она не обращала внимания, потому что давно привыкла к таким вещам.

Все ее тело исчезало равномерно. Не то чтобы у нее вдруг не стало руки, пальца или уха, нет, она вся целиком словно растворялась в воздухе, трепетала, как жаркая дымка над хайвеем – такая нерезко очерченная форма с дрожащей серединой. Если только приглядеться, то можно было ее рассмотреть – в зависимости от фона и окружения, причем чем больше предметов находилось в комнате и чем ярче была обстановка, тем заметнее она казалась. Возле белой стены она была практически невидимой. Для дома она выбирала обои с ярким рисунком и цветную обивку для мебели – на таком фоне ее фигура маячила в виде размытого пятна, вынуждая людей напрягать зрение. Так она, можно сказать, боролась за существование.

Ученые и врачи на протяжении многих месяцев исследовали ее феномен, журналисты брали у нее интервью, фотографы так и этак колдовали с освещением, чтобы запечатлеть ее на фотографии. Но ей ничего не помогало. Некоторые из них были очень милы, однако как бы хорошо окружающие к ней ни относились, по мере усугубления ее состояния их симпатия сменялась банальным любопытством. Она таяла на глазах, и никто на свете, даже самые лучшие специалисты, не знали почему.

– Вам письмо, – сказала Рада, нарушая ее мысли.

– Спасибо. Положите на кровать.

– Мне кажется, вам захочется прочитать это прямо сейчас, – продолжает Рада.

Вот как? Интересно. Она встряхивается и снова, как учили, тихо шелестит:

– Я здесь, я здесь, я здесь... – Рада подходит на голос и протягивает в воздух руку с хрустящим конвертом.

– Спасибо, – благодарит она и берет конверт. Бумага цвета пепельная роза – как приглашение на день рождения в ее детстве. Она даже чувствует что-то вроде нетерпения, хотя в детстве ее почти никуда не приглашали.

Она была тихим, незаметным ребенком, из тех, что сливаются с пейзажем как хамелеоны. Только у нее это выходило против воли. Наоборот, она изо всех сил старалась быть замечен-

ной, но чем больше старалась, тем меньше на нее обращали внимание. Чрезмерное старание понравиться отвращает – как она под конец поняла. Так или иначе, она не была из компанейских детей, для кого вечеринки или шатание с друзьями – обычное дело. Ей приходилось чуть ли не навязываться, хватать прохожих за рукав и кричать: «Посмотрите на меня!» Надо было стучать им в спины и махать руками у них под носом, чтобы они обратили внимание. Она не претендовала на исключительность, она хотела быть... как все.

Она слышала, что детство называют золотой порой, но сама считала это преувеличением. Шрамы ее детства остались с ней на всю жизнь. Ее считали робкой, но, будь у нее хоть малейшая возможность доказать, что это не так, она бы ее не упустила. Но шанса так и не представилось. У нее не было друга, чтобы помочь ей раскрыться, ей не с кем было даже поговорить. И она черпала силы в своем одиночестве, одиночество было ее зоной комфорта. Ее психотерапевт часто возвращается к этому вопросу, считая, что это поворотный момент, точка отсчета, после которой ее тело начало исчезать. Одиночество в детстве, чувство отверженности.

Она не замужем, и детей у нее нет. Не то чтобы она не хотела, просто так получилось.

Она не упивается жалостью к себе, она знает, что сама ответственна за свою судьбу. Но в последнее время что-то изменилось. Она увлеклась самокопанием, она задумывается о том, кто она, анализирует свой образ мыслей в попытках понять, как ее угораздило. Она вспоминает, что с детства всегда стояла и наблюдала за проходящей стороной жизнью, ожидая, что и она вот-вот вольется, заживет сама. Она все время ждала понедельника, чтобы начать жить заново. Наступал понедельник, но не такой, которого она ожидала, и она ждала следующего, надеясь, что он-то будет другой. Что ж, теперь точно все по-другому.

Исчезать физически не больно – эмоционально это гораздо сложнее вынести.

Три года назад, когда она начала реально растворяться в воздухе, ей то и дело говорили: «Я тебя не видел». Или: «Я не заметил, как ты проскочила». И чем дальше, тем хуже, и это тревожило ее. Во время беседы коллеги, бывало, прерывались, чтобы повторить ей все с самого начала, будто она только что подошла, хотя она все время была рядом. Ей надоело напоминать им. Она стала ярче одеваться, покрасила волосы, говорила громко, вступала в дискуссии, нарочно топала, когда ходила, – шла на все, дабы выделиться. Ей хотелось брать людей за головы и насильно поворачивать к себе – лишь бы ее заметили, посмотрели ей в глаза. Впору было кричать: посмотрите же на меня! Ее то и дело игнорировали возле барных стоек, в очередях, повсюду.

В худшие из дней она возвращалась домой совершенно отчаявшись. Она смотрелась в зеркало, дабы убедиться, что она еще существует, и носила с собой карманное зеркало на тот случай, когда ей казалось, что она растворилась без остатка.

Она была своим злейшим врагом. Если ей улыбались, оказывали иные знаки внимания, заговаривали с ней или приглашали куда-нибудь, она вцеплялась в эту возможность зубами, становилась назойливой и навязчивой. Стараясь удержать людей, убедиться, что она им нравится, она добивалась только отвращения. Сознывая, что ведет себя, мягко говоря, странно, вины за собой она не ощущала. Она изголодалась по компании, по вниманию посторонних – не коллег и не родственников, – так что, когда ей выпадал шанс полакомиться новым знакомством, она торопливо и жадно заглатывала его большими кусками, потому что не знала, долго ли придется ждать следующего. Не сразу она догадалась, что навязчивость отпугивает людей и мешает продолжению отношений.

Она выросла в Бостоне и переехала в Нью-Йорк. Она думала, что город в восемь миллионов жителей – это идеальное место, чтобы завести друзей, найти любовь, начать новую жизнь. Но оказалось, что чем больше людей вокруг, тем более одинокой она себя чувствует, потому что среди чужих одиночество усиливается.

Она работает в KPMG. Это международная финансовая компания со 150 тысячами сотрудников в 156 странах. Ее офисное здание находится на Парк-авеню, где у нее почти три

тысячи коллег, которые плохо ее видят. Психоналитики разобрали ее детство по кирпичикам, стараясь отыскать причину. Она была единственным обожаемым ребенком эксцентричных родителей. Ее отец-композитор и мать-скрипачка познакомились на концерте Бостонского симфонического оркестра на музыкальном фестивале в Танглвуде летом 1959 года. В раннем детстве она объездила с ними весь мир. Она была центром их вселенной. Они водили ее в театры, музеи, на балет, оперу, брали с собой в гости к друзьям-артистам. Там она бывала самая младшая, но никто не обращался с ней покровительственно, свысока, и взрослые при ней могли обсуждать любые вопросы. Она все видела и слышала.

Она знала, что ее любят и обожают. Она чувствовала это. Ее хвалили. В компании родителей и их друзей она расцветала – в *их* компании, где она была дома. Но в собственной жизни все оказалось сложнее. Заводить собственные знакомства вне этого мира было не так просто. В школе, в колледже, на работе, в жизни общение у нее не ладилось.

Родители обвиняли себя. Говорили, что надо было раньше поощрять ее к самостоятельности и воспитывать, как воспитывают всех обычных детей – укладывать в восемь вечера и поднимать в семь утра, а не таскать по театрам и богемным вечеринкам за полночь. Напрасно они брали ее с собой на гастроли, напрасно она простаивала ночи напролет в очередях за билетами в Карнеги-холл вместо того, чтобы ездить со сверстниками в летние лагеря. Когда она говорила им, что никогда ей не было так хорошо, как в те дни и ночи, что она проводила среди их друзей, они только тревожно переглядывались. Это все их вина. Они вырастили ее такой.

Иногда ей и впрямь хотелось стать невидимкой. Ей едва исполнилось тридцать восемь, когда у нее наступила менопауза. Перемены в организме сводили ее с ума. За ночь приходилось по два раза менять мокрые, пропотевшие насквозь простыни. Припадки гнева чередовались с приступами отчаяния. Ей никого не хотелось видеть. Некоторые привычные ткани стали раздражать кожу, и ей казалось, что это вызывает приливы жара и, в свою очередь, слезливость, нервозность и тому подобные прелести. За два года она набрала девять килограммов. Что бы из одежды она ни покупала, ей не подходило либо по размеру, либо по фасону или цвету. Ей было неловко в собственной коже, особенно когда приходилось выступать на собраниях перед коллегами-мужчинами, что прежде ей даже нравилось. Каждый мужчина, казалось, знает, каждый из присутствующих видит, как полыхают ее красная шея и потное лицо, а одежда вдруг облепляет кожу посреди презентации или делового обеда. Она не хотела, чтобы на нее смотрели. Ей хотелось исчезнуть.

Иногда по вечерам она видит красивые молодые тела в коротких платьицах, на высоченных шпильках, извивающиеся на танцполе под песни, которые она знает наизусть и может подпеть с любого места, потому что она все еще живет на этой неблагоприятной планете. Ровесники-мужчины, конечно, пожирают глазами этих девиц, а на нее, как обычно, не обращают внимания.

И поскольку она пока здесь, она чего-нибудь да стоит и ей есть что предложить миру, хотя, может быть, она и неправа.

«Прозрачная женщина» и «Исчезающая женщина» – так прозвали ее журналисты. Она стала мировой знаменитостью. Эксперты со всех концов земли стремятся сюда, чтобы изучить ее тело и мозг, но никому из них пока не удалось разгадать ее загадку – несмотря на сотни ученых статей, награды и аплодисменты в их честь.

За шесть месяцев, проведенных в клинике, от нее осталась одна призрачная тень. Силы ее на исходе. Она знает, что помочь ей почти невозможно. Каждый новый эксперт прибывает, полный воодушевления, и уезжает поникший и сраженный, и всякий раз, наблюдая гибель очередной надежды, она чувствует, как ее собственная стремится к нулю.

– Вы не хотите открыть? – спрашивает Рада.

Она подходит к кровати и садится.

– Отчего вам так не терпится?

Она часто получает почту – не меньше дюжины писем в неделю. Кто ей только не пишет – спецы, предлагающие помощь за деньги, разные психи и религиозные фанатики, желающие совершить над ней обряд изгнания дьявола, извращенцы, которые хотят пощекотать с невидимой женщиной свою болезную чувственность.

Хотя, надо признать, конверт необычно приятен на вид и на ощупь – и в этом есть что-то обнадеживающее, утешительное. Ее имя написано четкими каллиграфическими буквами...

– Я уже видела такие конверты, – говорит Рада, возбужденно хватая ее за руку.

Она аккуратно вскрывает конверт и достает короткое послание, написанное от руки на бумаге цвета пепельной розы.

– Профессор Элизабет Монтгомери! – хором восклицают они.

– Я так и знала, – говорит Рада, снова сжимая ей руку.

– Я здесь, я здесь, я здесь, – повторяет она, пока команда медиков сопровождает ее из палаты в машину, которую прислала за ней доктор Монтгомери. Неизвестно, что ее там ждет. Помимо Рады проводить ее пришли еще несколько медсестер, сроднившихся с ней за полгода. Некоторые, впрочем, не пришли – в знак протеста против ее отъезда на лечение к доктору Монтгомери – и это после того, как они пеклись о ней как о родной целых шесть месяцев.

– Я в машине, – тихо говорит она, и дверь закрывается.

На подъезде к местечку Провинстаун, что на мысе Код, ее страхи и сомнения исчезают – она вдруг чувствует, что все будет хорошо. Особенно когда она видит доктора Монтгомери, которая ждет ее у дверей своей клиники, некогда бывшей заброшенным маяком. Теперь же это огромный символ надежды.

Водитель открывает дверь, и она выходит.

– Я здесь, я здесь, я здесь, – твердит она, поднимаясь вверх по тропинке.

– Что вы такое говорите? – удивляется доктор Монтгомери, поприветствовав ее.

– Меня так научили в больнице, – робко отвечает она, – чтобы люди знали, где я.

– Нет, у меня так не говорят, – раздражается доктор.

Сначала она огорчается, потому что она ухитрилась опозориться, едва выйдя из машины, и ее отчитали, но это быстро проходит, потому что профессор Монтгомери смотрит ей прямо в глаза, покрывает ей плечи теплым кашемировым пледом и уводит с собой в маяк. Следом водитель несет чемодан. Впервые за долгое время она встретилась с кем-то взглядом, если не считать кошки, жившей в университетском городке.

– Добро пожаловать на маяк Монтгомери-авангард, – говорит хозяйка, проводя ее в дом. – Конечно, звучит немного напыщенно, но это название сюда прикипело. Сначала я просто назвала это место «Приют для женщин Монтгомери», но вскоре передумала, потому что «приют» – уж слишком депрессивное слово, в приюте скрываются от трудностей, опасностей, неудач. В приют бегут, чтобы спрятаться, спастись, уберечься и все в таком роде. Нет, у нас тут все наоборот – мы идем вперед, мы наступаем, растем, добиваемся.

Да, верно, это то, что ей необходимо – без оглядки идти вперед.

Доктор Монтгомери приводит ее в приемную. За стойкой сидит регистратор.

– Тиана, это наша новая гостья.

Тиана, глядя ей прямо в глаза, с улыбкой протягивает ей ключ от ее комнаты.

– Добро пожаловать.

– Спасибо, – шепчет она.

Доктор Монтгомери тепло сжимает ей плечо.

– У нас много работы. Начнем прямо сейчас.

Первый сеанс проходит на застекленной веранде с видом на пляж. Свежий воздух, грохот волн, соленый запах океана, крики чаек – все это так непохоже на стерильную больницу, где она пряталась последние полгода точно в крепости. Здесь так легко дышится! Последние опасения покидают ее, и она позволяет себе расслабиться.

Элизабет Монтгомери – в свои шестьдесят шесть лет – психоаналитик блестящего ума и репутации, с двумя разводами и шестью детьми в придачу, – самая потрясающая из известных ей женщин. Доктор Монтгомери собственной персоной сидит напротив в плетеном кресле с подушками и разливает мятный чай в тонко позвякивающие чашки.

– Моя теория состоит в том, что вы сами себя довели. – Она кладет ногу на ногу. – Вы сами заставляете себя исчезать.

– Я? – чуть не вскрикивает она. Горячий гнев обжигает ее, и чувство блаженства, которому она вздумала было предаться, мигом испаряется без следа.

Профессор Монтгомери белозубо улыбается.

– Нет, вина лежит не только на вас. Здесь есть и вина общества, которое восхваляет женщину как сексуальный объект. Привлекательная внешность и молодость – таковы общественные установки по отношению к женщинам. Других женщин как бы не существует. В отличие от нас, мужчины не сталкиваются с подобным давлением.

Ее голос – тихий, но твердый, без гнева, печали, осуждения или горечи. Просто голос. Но от него по коже бегут мурашки и начинает быстро биться сердце. Он словно гипнотизирует. И это первое разумное заявление, что ей довелось услышать в последнее время в отношении себя. Это заставляет встряхнуться физически и морально.

– Представляю, как будут возмущены многие мои коллеги-мужчины, – прищелкивает языком доктор Монтгомери и делает глоток чая. – Согласиться с этим трудно. Для них. Поэтому я провожу независимое исследование. Вы не первая исчезающая женщина, с которой мне приходится иметь дело. Я консультировала не один случай, подобный вашему, но, как и те специалисты, что приезжали к вам, я поначалу блуждала в потемках. Я не сразу поняла, как лечить ваше состояние, а только со временем, когда сама стала старше.

Я постоянно пишу об этом – о том, как женщины, становясь старше, выпадают из жизни. Их больше не видно ни в кино, ни по телевидению, ни в журналах мод. И появляются они только в дневное время на каком-нибудь канале, где рекламируют лекарства или косметические средства для борьбы с возрастом. Можно подумать, с возрастом нужно бороться! Знакомо вам такое явление?

Она кивает.

– В сериалах женщины за сорок – это обычно злые завистливые ведьмы, которые вредят какому-нибудь молодому человеку или девушке. Либо какие-нибудь истерички, неспособные управлять собственной жизнью. А женские персонажи в районе пятидесяти пяти вообще отсутствуют. Будто таких людей вообще нет на свете. Когда мне самой довелось испытать на себе подобное отношение, я поняла, что женщины впитывают окружающие реалии. Мои идеи пытались выставить как феминистский бред, но какой же это бред? Это действительность как она есть. – Доктор Монтгомери потягивает чай и наблюдает за гостьей. Та, кажется, под впечатлением.

– Значит, у вас и раньше были такие, как я?

– Тиана, что выдала вам ключ в приемной, была вашей копией, когда приехала сюда два года назад.

Она молчит, переваривая информацию.

– Кого вы видели, когда приехали? – спрашивает профессор Монтгомери.

– Тиану.

– А еще?

– Вас.

– А еще?

– Больше никого...

– Оглянитесь вокруг.

Она встает и подходит к окну. Море, песок, сад... И вдруг она замечает какую-то рябь в кресле-качалке на крыльце, а возле еще одну – с длинными черными волосами, которая смотрит на море. В саду виднеется еще один призрак, что стоит на коленях и копается в цветочной клумбе. Да их полно – стоит лишь приглядеться! Разные женщины, и каждая на своей стадии исчезновения. Точно звезды на небе – присмотрись внимательнее – и увидишь. Они повсюду. По приезде она прошла мимо и не заметила.

– Женщины должны замечать других женщин, – говорит профессор Монтгомери, – если мы сами не видим ни себя, ни друг друга, то чего ждать от остальных?

Она настолько захвачена теорией, что не может подобрать слов, чтобы выразить изумление. Но они есть, только бурлят внутри. Их вызвала к жизни профессор Монтгомери.

– Вы верите общественным установкам, согласно которым вы неважны, вы никто, вас нет. Вы позволили им просочиться сквозь ваши поры, грызть вас изнутри. Вы сами внушаете себе, что вы никто, и верите этому.

Она только хлопает глазами.

– И что же вы должны сделать? – Профессор, грея руки о свою теплую чашку, впивается в гостью взглядом, будто передает ей в мозг свои мысли, посылает сигналы, информацию.

– Я должна верить, что снова появлюсь, – хрипит она, словно молчала целую вечность, и закашливается.

– А еще что?

– Я должна верить в себя.

– И общество нам твердит, чтобы мы верили в себя, – снисходительно замечает профессор. – Пустые слова, дешевые истины. Чему именно вы должны верить?

Она задумывается. Эту женщину не проведешь, правильного ответа ей недостаточно. Так чему же ей хочется верить?

– Надо верить в собственную необходимость, важность, ценность, значительность. – Она рассматривает свою чашку. – Сексуальность. – Она медленно делает глубокий вдох и выдох, набираясь уверенности. – Я достойна самого лучшего. У меня есть потенциал, возможности, я способна принимать новые вызовы. Я могу приносить пользу. Я интересна. Я не должна ставить на себе крест. Надо верить, что люди знают, что я здесь. – На последних словах ее голос срывается.

Профессор Монтгомери ставит чашку на стол и берет ее руки в свои.

– Я знаю, что вы здесь. Я вас вижу.

Она улыбается сквозь слезы, настолько благодарная за эти слова, что и в самом деле им верит. И знает, что она выздоровеет. Надо только работать и прислушиваться к своему сердцу.

2

Женщина, которую держали на полке

Это началось вскоре после первого свидания, когда все в их отношениях еще сверкало и блестело новизной. В тот день она раньше закончила и помчалась к своему новому любовнику. Ей не терпелось снова увидеть его, и время тянулось страшно долго. Когда она пришла, Рональд стучал молотком в гостиную.

– Что ты делаешь? – рассмеялась она, увидев его сосредоточенное потное лицо в клубах пыли. Ах, какой он решительный и самостоятельный! Таким он нравился ей даже больше.

– Вешаю для тебя полку. – Он мельком взглянул на нее и продолжал работать.

– Полку?

Он стукнул еще пару раз, выравнивая край полки.

– То есть ты предлагаешь мне переехать к тебе? – с бьющимся сердцем весело уточнила она. – Тогда мне нужен шкаф, а не полка.

– Да, конечно, я хочу, чтобы ты переехала ко мне, и немедленно. Я хочу, чтобы ты бросила работу и сидела на этой полке. И чтобы все смотрели на тебя и восхищались. Пусть видят тебя так, как вижу я. Пусть знают, что ты самая красивая женщина на свете. Тебе не придется ничего делать, совсем ничего. Просто сиди на полке и будь любима.

Слыша такие слова, невозможно было не расчувствоваться и не прослезиться. Днем позже она уже сидела высоко на полке, в нише справа от камина. Так, на полке, она познакомилась с семьей и друзьями Рональда. Они встали полукругом, держа в руках бокалы, и любовались ею, ведь перед ними было чудо, новая большая любовь Рональда. Потом они перешли в соседнюю комнату – столовую – и сели за большой стол, и пусть она не всех видела, зато слышала хорошо и могла участвовать в разговоре. Она ощущала, что среди близких Рональда ей отведено более высокое место – друзья обожают ее и лелеют, мать боготворит, а его бывшие завидуют. Рональд с гордостью поднимал к ней свой лучистый и красноречивый взгляд, без слов говорящий: *моя*. Юная и соблазнительная, она вся сияла, сидя на полке рядом со шкафчиком, где он держал свои спортивные трофеи – давние футбольные кубки и более поздние награды за победы в соревнованиях по гольфу. А еще выше помещалась засушенная форель на деревянном блюде с медной табличкой. Это был самый крупный экземпляр из тех, что ему удалось поймать во время рыбалки с отцом и братом. Форель он передвинул, чтобы повесить для нее полку, отчего его приятели проникались к ней еще большим уважением. Гости покидали их дом, зная, что о ней здесь заботятся, ее здесь холят, боготворят и – важнее всего – любят.

На свете для Рональда не было ничего важнее. Его жизнь вращалась вокруг нее и ее положения в доме. Он улажал ее, сдувал с нее пылинки. Ему хотелось видеть ее на полке постоянно. Единственное, что могло сравниться с ней по значимости, был Пыльный День, когда он устраивал досмотр всем своим трофеям – доставал их, протирал, наводил лоск, конечно, снимал и ее с полки. Он клал ее на диван, и они занимались любовью. После чего, сверкая и блестя, как новая, она бодро взбиралась обратно на полку.

Когда они поженились, она бросила работу. Детей она нянчила, сидя на полке. На полке она баюкала их ночами напролет, позже наблюдала сверху, как они играют на ковре и в манеже, и слушала их лепет. Рональду не нравилось, когда она покидает свое место, он нанимал няnek, чтобы она могла постоянно украшать полку, которую он для нее прибил. Он боялся, как бы дети не присвоили ее, нарушив тем самым гармонию их особых отношений. Ей доводилось слышать о парах, которые разбежались после рождения детей, потому что мужья чувствовали себя лишними при младенце. Она не хотела, чтобы их постигла та же участь, она хотела быть рядом, чтобы ее обожали. Полка была ее местом. Она любила всех свысока и, благодаря зани-

маемому ею положению, домочадцы всегда смотрели на нее снизу вверх. Лишь позже, когда дети выросли и разъехались – а к тому времени она уже двадцать лет просидела на полке, она ощутила одиночество. Внезапно, точно будильник зазвенел.

Началось все с телевизора, точнее, с положения экрана. Экран был повернут в другую сторону, и она не видела, что там идет. Раньше ее это не беспокоило, ей довольно было видеть лица детей, отражающие происходящее на экране. Но теперь диван, где они обычно сидели, пустовал, в комнате стояла тишина, и ей захотелось чем-то занять себя, отвлечься. Захотелось общения. Рональд купил новый телевизор с плоским экраном и повесил его на стену. Экран у этого телевизора не поворачивался. И телевизор исчез из виду, как исчезли из виду дети.

Рональд обещал перевесить, чтобы ей было видно, но забыл. А еще гости. Теперь он приглашал гостей, не предупредив ее. Эти сборища проходили без ее участия. Незнакомые люди вертелись вокруг, женщины, не вызывающие доверия, в ее собственном доме, у нее под носом. Она наблюдала со своей полки, как внизу течет его жизнь, как будто ее нет в комнате или она посторонняя. За ее улыбкой крылась растерянность. Она пыталась вмешаться, присоединиться, но гости не слышали ее издали, им надоедало задирать головы, чтобы посмотреть на нее, и повышать голос. Им было не до нее. Он забывал наполнить ей бокал, представить ее, подойти к ней. Он вообще словно забыл о ней.

А потом он сделал пристройку. Он работал целый месяц, а когда закончил, кухня вдруг переместилась к ним на задний двор, а заодно и все вечеринки с гостями. Гостиная, где стоял телевизор, бывшая раньше официальным центром их дома, теперь потеряла свою значительность и превратилась в маленькую уютную пещерку. А она дошла до точки.

– Рональд, – обратилась она к нему однажды в субботу вечером, когда он сидел на диване и смотрел невидимый для нее телевизор. Целый день она была одна, пока он пропадал на поле для гольфа.

В ответ он что-то пробормотал, не отрываясь от экрана.

– Здесь неудобно как-то, – с дрожью в голосе продолжала она, чувствуя тяжесть в груди. – Когда ты меня посадил сюда, ты хотел, чтобы все мною любовались, чтобы я была центром внимания, но теперь... теперь все происходит внизу, без меня. Мне так одиноко. – Но она не может произнести эти слова вслух, не может их выговорить. Даже подумать об этом ей жутко. Ей нравится ее полка, такая удобная, это ее место, она всегда там сидела, там ей и следует оставаться. Он избавил ее от всех забот и тревог. Позаботился обо всем, ради *нее*.

– Дать тебе другую подушку? – спрашивает Рональд, потом берет одну с дивана и швыряет ей.

Она рассматривает подушку у себя в руках с тяжело и болезненно стучащим внутри сердцем. Рональд в удивлении встает.

– Я куплю тебе новую, побольше, – говорит он, приглушая звук телевизора.

– Мне не нужна новая, – тихо возражает она, не веря собственным ушам – она ведь любит такие вещи. Он либо не слышит, либо не хочет слышать.

– Скоро вернусь, пока.

Она в шоке смотрит, как закрывается за ним дверь, слушает урчание мотора. Это началось давно, много лет назад, но доходит до нее только сейчас. Настал наконец момент истины. Припоминая разом все тревожные звоночки, она едва не падает с полки. Рональд поместил ее сюда, свою любимую, обожаемую женщину, о которой хотел заботиться напоказ, а теперь, когда все ее увидели, выразили восхищение, поздравили его с его победой, теперь она ему не интересна. Она теперь нечто вроде мебели. Украшает полку, как и прочие его трофеи. Эту победу давно отпраздновали. Она уж и не помнит, когда он в последний раз смахивал с нее пыль. А когда снимал ее отсюда? Она занимает полку в качестве продолжения самого Рональда, но что она без него?

Она долго сидит, оцепенев. И как она раньше об этом не задумывалась? Надо подвигаться, размять мышцы. Ей нужно место для роста. Не стоит обвинять Рональда в том, что произошло, она сама когда-то взобралась на эту полку, движимая эгоизмом. Она жаждала внимания, ей хотелось, чтобы ее хвалили, восторгались ею и завидовали. Ей нравилось, что она новая, единственная, боготворимая. Что она принадлежит ему. Ну и дура же она была! Нет, не потому, что это зазорно, а потому, что ей не хотелось большего.

От потрясения она роняет мягкую подушку, которую сжимала в руках. Подушка падает на плюшевый ковер с мягким шлепком – пух! Она долго сидит и таращится на подушку, выпавшую из рук, пока ее не настигает очередное прозрение.

Она ведь может уйти отсюда, спуститься вниз! Признаться, она всегда могла это сделать, но ей казалось, что тут ее место, что ей суждено сидеть здесь. Никто не бросает свое место, иначе можно потерять его. Какой ужас! Она начинает учащенно дышать, заглатывает пыль, хрипит и кашляет.

Но нет, она здесь не для того, чтобы собирать пыль. Она осторожно начинает спускаться. Ставит одну ногу на спинку кресла, где, бывало, сидел Рональд, держа ее ноги в своих руках. Она тянется к стене, ища опоры, и пальцы ее цепляют сушеную форель. Нога в гладком чулке скользит по ручке кресла, и она непроизвольно хватается рыбину, срывая ее со стены, поскольку форель, как оказалось, держится на одном гвозде. Какое легкомыслие! Ее мужу следовало надежнее укрепить столь ценный трофей. Эта мысль вызывает у нее улыбку. Итак, она падает в кресло, а сорванная с гвоздя форель крушит стеклянный шкафчик внизу, где выставлены спортивные награды, и тот с грохотом и звоном обрушивается на пол. Затем наступает тишина.

Она нервно хихикает.

Потом осторожно, медленно, опускает ноги вниз и встает, хрустя затекшими суставами, на ковер, который она так долго рассматривала сверху, такой знакомый на вид и незнакомый на ощупь. Она шевелит пальцами в мягком ворсе, топчет толстый плюш, точно хочет укорениться среди этих новых для себя ощущений. Она оглядывает комнату, которая кажется ей совершенно чужой при взгляде с другой точки, и понимает, что для начала необходимо здесь кое-что изменить.

Вернувшись из паба, Рональд застает ее за работой. На полу, среди осколков стекла, валяются его спортивные трофеи. Буря форель таращит из кучи мусора мертвый глаз.

– Там такая пылица, – тяжело переводя дух, объясняет она и снова с размаху бьет клюшкой для гольфа по деревянной полке.

Полка трещит. Она пригибается, он в страхе приседает на корточки, прячась от разлетающихся во все стороны щепок.

Видя его испуганное лицо, прижатые к голове руки, она не может удержаться от смеха.

– Знаешь, у моей матери в гардеробе была куча шикарных сумочек, и для каждой чехол, предохраняющий от пыли – так она над ними тряслась. Ей было жаль носить свои сумки просто так, она все ждала особого случая. Так и не дождалась до самой смерти. Все выходы в свет были для нее недостаточно особые. Она, бывало, пеняла мне, что я не ценю вещи. И будь она сейчас здесь, я бы сказала ей, что она была неправа. Запасать – не значит ценить. Вещи нужно использовать, реализуя их ценность, а не держать взаперти.

Рональд молча открывает и закрывает рот, точно сушеная форель, что лежит на полу среди обломков.

– Итак, – объявляет она, снова ударяя клюшкой в стену, – я остаюсь здесь!

Вот и весь рассказ.

3

Женщина, у которой выросли крылья

Врач сказал, что это гормональное, как волосы, что порой появляются у нее на подбородке после рождения детей. Дело в том, что с некоторых пор ее позвоночник стал походить на ствол дерева, потому что позвонки в одном месте увеличились и торчат из спины под натянувшейся кожей точно ветви. Врач посылал ее на рентген и исследование плотности костной ткани, пугая остеопорозом, но она отказалась. Она не чувствует болезненной слабости, наоборот – в ее теле пребывает сила, крепнут спина и плечи. Когда они одни, мужу нравится водить пальцем по ее спине, щупая выпирающие кости. Она раздевается догола и рассматривает себя в зеркале. Со стороны кажется, что у нее растет горб, и, когда бы не распирающая тело неведомая мощь и не просторный хиджаб, что надежно скрывает загадочный вырост на ее плечах, впору было бы испугаться и носу не казать за порог.

Они недавно в этой чужой стране. Возле школы мамыши всегда исподтишка рассматривают ее, пока они с детьми проходят мимо, хотя и пытаются скрывать свое любопытство. Эти ежедневные проходы сквозь толпу для нее настоящее испытание. При виде школьных ворот она невольно стискивает руки детей и прибавляет шагу. Она идет не дыша, почти бежит, опустив голову и пряча глаза. Изредка ей в спину отпускают комментарий, но люди в этом гостеприимном городе гордятся своей вежливостью и образованностью, истинное их отношение понятно из ощущения, которое витает в воздухе. Не обязательно говорить, чтобы запугать. Она выживает среди многозначительного молчания, кожей чувствуя косые взгляды, а город, между тем, проводит скрытую работу, готовит новые правила и ограничения для чужаков вроде нее, которые и выглядят не так и ведут себя иначе, чем принято здесь. А эти добротные школьные ворота – они защищают детей. Матери похожи на мощный пчелиный рой, зорко охраняющий малышей. Если бы они знали, как много у них с ней общего.

И пусть не сами матери корпят над законами, что призваны осложнить жизнь ей и ее семье, но такие, как они. Их мужья и любовники. После партии в теннис, прохладного душа и чашечки кофе они идут в кабинеты, чтобы принять решения, запрещающие беженцам и иммигрантам приезжать в их страну. Этакie добряки, любители капучино и тенниса, завсегдатаи благотворительных завтраков, которым больше дела до книжных ярмарок и распродаж выпечки, чем до человеческой порядочности. Они настолько хорошо начитанны, что при виде иммигранта вторжение пришельцев из фантастического романа начинает казаться им реальностью и внутри зажигается красный сигнал тревоги.

Она чувствует на себе взгляд сына. Ее мальчик – дитя войны, как зовут его в семье. Он родился в военное время, когда вся жизнь пошла прахом: рухнуло материальное благополучие, мораль, общественные связи. Он живет в постоянном страхе, напряженно ожидая чего-то ужасного, подвоха от судьбы на каждом углу, подлости со стороны любого встречного. Он всегда настороже, он не умеет расслабляться и по-детски радоваться жизни. Она улыбается, чтобы ее тревога не передалась ему через их соприкасающиеся руки.

Это повторяется изо дня в день – утром и еще раз, когда она приходит забрать детей после уроков. Ее трясет от волнения, и сын не может не чувствовать это. И когда ее оскорбляют в супермаркете или когда ее муж – высококвалифицированный инженер – пытается вежливо убеждать, что он способен на большее, чем подметание полов и другая черная работа, за которую он берется, чтобы они могли выжить. Однажды до нее доходит слух, что мечети в Канаде неправильно построены относительно Мекки, что они смещены на несколько градусов. Она, мягко говоря, потрясена. Но у нее есть теория, что земная ось смещена тоже. Если бы она могла, она бы полетела в космос исправить угол ее наклона, чтобы Земля вращалась правильно.

Ее бесит, что муж благодарен за все, что они получают. Почему они должны быть признательны за то, что они зарабатывают тяжелым трудом? Будто они голуби, клюющие крошки, которые бросают им прохожие.

Они с детьми поворачивают за угол – и вот она, школа. Она сосредоточивается, пытаясь не обращать внимания на пульсирующую боль в спине. Спину ломило всю ночь, и даже массаж, который делал ей муж, не помог. Когда он уснул, она легла на пол, чтобы не тревожить его. В спине тянет и стреляет постоянно, но особенно когда она злится, когда от злости ей хочется схватить мир за шкирку и как следует его встряхнуть.

Однажды муж заставил ее пойти к врачу насчет спины. Она напрасно выбросила кучу денег за первое посещение и решила больше не ходить. Нужно беречь каждый цент – вдруг случится что-то серьезное. Кроме того, пульсирующая боль и ломота напоминают ощущения во время беременности. Это не болезнь, а жизнь, растущая внутри. Только в этот раз новая жизнь в ее теле – ее собственная.

Она пробует распрямить плечи, но тяжесть в спине заставляет ее снова согнуться. Они уже у самых ворот. Вокруг кучки мамаш – чешут языками. Две или три поворачиваются, здороваются. Есть такие, кто просто пробегает мимо, не обращая на нее внимания, занятые своими мыслями, – у них плотный график, планы, им надо успеть догнать самих себя. Они безобидные. В отличие от тех, кто сбивается в кучу. Вот группка теннисисток. Эти хуже всего. На них белые короткие юбки поверх спортивных легинсов, на плечах спортивные сумки. Ткань трещит по швам на пышных задах – сжатая плоть пытается найти выход.

Одна, посмотрев на нее, беззвучно шевелит губами, как страдающая ксенофобией чревоушестельница. За ней другая, третья. Шепот, взгляды. Такова реальность ее опрокинутой жизни. За ней постоянно подсматривают. Она издалека, она чужая и этому уже не помочь. Она подозрительна, потому что не хочет быть похожей на них, быть одной из них.

Сегодня они припозднились, и она злится на себя. Не оттого, что дети пропустят начало урока, а потому, что они пришли в самое опасное время – родительницы как раз развели детей по классам и столпились у ворот. Обсуждают что-то, планируют детские праздники, вечеринки, куда ее детей не пригласят. Они стоят на дороге, и, чтобы пройти стороной, придется пробираться по узкой тропке гуськом вдоль стены, отирая другим боком грязные машины, стоящие на парковке. Конечно, можно пройти напрямик через их толпу, что означает привлечь внимание, здороваться, разговаривать.

Она злится на себя за нерешительность, за свой страх перед кучкой этих глупых куриц. Не для этого она бежала от войны, не успев ничего взять с собой, бросив дома все и всех, кто был ей дорог. Они прыгнули ночью в забитую людьми лодку в чем были. Всю дорогу она прижимала к себе дрожащих от ужаса детей, не зная, доберутся ли они до берега. Вокруг было темно и тихо, только морская вода бурлила у ног.

Но это еще не все. Потом они долго томились в душном транспортном контейнере, где толком не было ни света, ни еды, но было зловонное отхожее место в углу. Сердце ее изнывало от тоски. Она боялась, что она разрушила жизнь своих детей, собственными руками вырыла им могилу. Словом, не для того она прошла через весь этот кошмар, чтобы останавливаться на полпути.

Пульсация в спине усиливается. Боль поднимается от копчика до самых плеч. Мощные волны боли, как родовые схватки, – каждый приступ все сильнее, но чередуется со странным облегчением.

Когда она подходит, женщины умолкают и поворачиваются к ней. Они стоят у нее на пути, придется просить их посторониться. Ее затруднение хоть и по-детски глупое, но реальное, тем паче что от боли она не может говорить. Кровь бросается ей в голову, сердце бешено стучит в ушах. Кожа на спине туго натягивается. У нее чувство, что ее порвет как при родах. И поэтому она знает, что грядет новая жизнь. Она поднимает голову, выпрямляется и бесстрашно

смотрит им в глаза. Она чувствует в себе гигантскую силу, огромную внутреннюю свободу, чего этим женщинам не понять. Ведь никто не грозил отнять у них свободу, они не знают войны и как легко война превращает людей в зомби, а их разум в тюремную камеру, так что свобода становится дразнящей фантазией.

Теперь она чувствует, что не только кожа, но и ее черная абайя на спине туго натянулась. Потом раздается треск ткани, и воздух холодит ее голую кожу.

– Мама! – Сын смотрит на нее круглыми глазами. – Что происходит?

Вечно боится: что-то будет дальше? Она добыла для него свободу, но он все еще в заключении. Она видит это каждый день. Дочке проще – она младше и быстро привыкает к новому, хотя оба навсегда получили от жизни прививку правды.

Абайя рвется полностью, и она вдруг ощущает мощный толчок снизу вверх, так что ее вместе с детьми поднимает над землей и снова опускает. Дочка хихикает, а сын, кажется, испуган. Теннисистки смотрят на нее в шоке.

– Мама! – шепчет дочка, вырывая у нее руку, чтобы забежать со спины. – У тебя крылья! Большие и красивые!

Она оглядывается. Вот они: множество фарфорово-прекрасных перьев и размах два метра. С удивлением она понимает, что может управлять своими крыльями, напрягая и расслабляя мышцы спины. Выходит, все это время ее тело готовилось к полету. Дочка визжит от восторга, а сын крепко вцепился в нее, ища защиты от пристальных взглядов женщин.

Расслабив мышцы, она опускает крылья и укрывает ими детей, потом и сама прячет голову в белое пушистое облако своих перьев. Дочь веселится, а сын робко улыбается, капитулируя перед этим волшебством. Чувство безопасности обманчиво.

Она снова расправляет крылья и гордо поднимает голову – как свободный дикий орел на самой высокой из вершин.

Женщины все стоят у нее на пути, остолбенев от потрясения.

Она улыбается. Ее мать однажды сказала ей: единственный способ пережить – это пройти через все до конца. Нет, она ошиблась, ведь можно подняться вверх.

– Держитесь крепче, детки.

Они послушно хватают ее за руки – крепко, не оторвать.

Размах ее крыльев огромен. Эти маленькие руки – ее лучший стимул. Другого ей не надо. Все всегда для них. Всегда было и будет. Лучшая жизнь. Счастливая жизнь. Спокойная жизнь. Жизнь, которой они достойны.

Она закрывает глаза, набирает в легкие воздуха, ощущая свою силу.

Взмахнув своими огромными крыльями, она взмывает с детьми вверх и парит высоко в небе.

4

Женщина, которую вскормила утка

Каждый день во время обеденного перерыва она приходит в парк и садится на скамью у озера, всегда на одну и ту же. Сегодня, едва усевшись, она вскакивает, почувствовав холод, идущий от дерева. Черт, на этой скамейке весь зад отморозишь! Она одергивает пальто, чтобы было теплее, и снова садится. Разворачивает на коленях фольгу, в которую упакован ее ланч – багет с ветчиной, сыром и помидором, – и видит раскисший овощ, подмокший хлеб, все склизкое и противное. Нет, это уже слишком!

– Черт тебя побери, помидор хренов!

Мало того, что на работе одни тупицы, что сегодня утром в автобусе отвратительный тип, сидевший рядом, всю дорогу ковырял в носу и размазывал свои сопли по пальцам, будто она не видит. А теперь еще этот помидор! Такая «вишенка на торте». Она вообще хотела только сыр и ветчину. Из-за этого злосчастного овоща, который ей совсем не нужен, все размякло, раскисло, склеилось и превратилось в кашу!

– Сволочь ты, а не помидор, – бурчит она и швыряет багет на землю. Пусть достается уткам!

Она приходит сюда, в Стивенс-Грин, самый крупный парк Дублина, каждый день. Ее офис находится неподалеку. Там акции, торги и придурки, каждый из которых имеет самомнение, размерами превосходящее все члены коллег, сложенные вместе. Она приходит покормить уток, а заодно вслух пожаловаться самой себе на проблемы и людей, которые ее бесят. Она недовольно ворчит себе под нос, проклиная идиота босса, сотрудников (ничуть не лучше) и бардак на фондовых рынках. Тут у нее отдушина. Покормить уток для нее все равно что для иных поколотить боксерскую грушу.

Сорок пять минут, что она сидит в парке, большинство ее коллег как раз проводят в спортзале – это тоже по-своему разрядка. Затем возвращаются на рабочее место, распространяя ароматы геля для душа и дезодорантов. Тестостерон и самодовольство бурлят в них пуще прежнего. Она предпочитает свежий воздух, покой, причем в любую погоду. Ей необходимо поворчать, излить душу, и с каждым куском хлеба, что она бросает уткам, одной проблемой становится меньше. Не всегда, однако, это помогает. Порой она возвращается в офис злая и взбудораженная, с гудящей от невысказанного головой, ценные доводы и аргумент снова пропали зря.

Она сидит и смотрит на комковатый сырой багет, лежащий на земле. Несколько уток дерутся за него, клюют раскисшую корку, но сенсации, которую она хотела произвести, не получилось. Багет и впрямь малосъедобен, как она и думала.

– Надо было на куски его разломать, – раздается вдруг мужской голос, прерывая ее мысли.

Она удивленно поднимает голову, но поблизости никого нет.

– Кто это сказал?

– Я, утка.

Взгляд ее падает на селезня, стоящего поодаль от остальных уток, клюющих багет и друг друга.

– Привет, – говорит он. – Вижу по лицу, что ты меня слышишь.

Она сидит разинув рот в немом изумлении.

– Ладно, – смеется он, – приятно было поболтать с тобой. – И шлепает обратно к озеру.

– Стой, подожди! – Дар речи возвращается к ней. – Я дам тебе хлеба!

– Не хочу, спасибо, – отвечает он, но поворачивает обратно. – Не стоит вообще-то кормить уток хлебом. Помимо того, что хлеб, который они не съедают, остается в воде и вызывает

изменения в ее химическом и бактериальном составе, что, в свою очередь, провоцирует заболевания у самих уток. Он почти не содержит питательных веществ. Уток рекомендуют кормить предварительно размороженным горохом, кукурузой и овсом. Как-то так.

Она смотрит на него круглыми глазами, утратив дар речи.

– Не обижайся, это очень мило с твоей стороны, но белый хлеб для нас хуже всего, там совсем нет ничего полезного. Ты слышала про крыло ангела?

Она качает головой.

– Я так и думал. Это такая болезнь уток при несбалансированном питании, когда искривляются крылья, становится трудно летать или вообще невозможно, а это, знаешь ли, весьма паршиво.

– Боже, извини.

– Ничего. – Он внимательно смотрит на нее, потом спрашивает: – Ты не против, если я посижу тут с тобой?

– Пожалуйста.

Он взлетает на скамейку.

– Опять работа достает?

– Откуда ты знаешь?

– Ты приходишь сюда каждый день и начинается: «Чертов Колин, чертов Питер, чертов мировые рынки, чертов геморрой, чертов Slimming World², проклятые помидоры».

– И вы все это слышите?

– Слышим? Мы чувствуем. Каждый раз, когда раздаются твои шаги, мы готовимся к обороне, потому что ты буквально обстреливаешь нас своим хлебом, как гранатами.

– Ох, извини. – Она кусает губы.

– Да ладно. Мы уж догадались, что тебе от этого легче, хотя за тобой нужен глаз да глаз.

– Спасибо за понимание.

– Все мы люди, в конце концов, – говорит он.

Она смотрит на него с недоумением.

– Это тебе в виде птичьего юмора, но если говорить всерьез, то каждому нужна такая отдушина. – Его взгляд становится рассеянным, далеким. – Такое место, где можно расслабиться, отдохнуть душой.

– А у тебя есть?

– Ну да, далеко отсюда, в Сенегале. Там есть классное место на небольшой речке, куда я улетаю на зиму. Там мы встречаемся с одной милой шилохвосткой. Мы вместе смотрим рассветы и закаты, ну и вообще тусим у реки.

– Ах, звучит чудесно.

– Ага.

Некоторое время они сидят молча.

– Может, поменяемся? – вдруг спрашивает он.

– В смысле? Ты хочешь, чтобы я летала в Сенегал вместо тебя? Не уверена, что я понравлюсь твоей шилохвостке.

Селезень смеется.

– Нет, я насчет кормления.

– Теперь ты будешь кидать мне хлеб? – хихикает она.

– Вроде того. Пищу для размышлений.

– Валяй.

² Организация по снижению веса в Великобритании.

– Может быть, это не мое дело, поэтому я никогда прежде с тобой и не заговаривал, но сегодня ты, кажется, более открыта, слышишь меня и все такое. Ты приходишь злая, огорченная, все время психуешь. Похоже, тебе не слишком нравится твоя работа.

– Нет, нравится. Я бы могла ее даже любить, если бы работала в офисе одна.

– Слушай, кому ты это рассказываешь? Позволь тебе сказать, что, будь я единственной уткой в пруду, жизнь была бы куда легче. Но я часто наблюдаю за людьми и заметил тебя. Я понял, что тебе с ними не очень.

– Послушать тебя, так и с утками тоже, – говорит она, пытаюсь скрыть обиду. Сама-то она всегда считала, что умеет ладить с людьми. По крайней мере, умеет избегать конфликтов.

– После нашей беседы ты будешь лучше понимать уток. Что до людей, тебе прежде всего стоит поговорить с Колином. Объясни ему, что чутье не обмануло тебя насчет Деймона Холмса. Деньги с его счета исчезли после землетрясения в Японии, а вовсе не по твоей вине.

Она кивает.

– Попроси Пола не перебивать тебя на собраниях. Скажи Джонатану, чтоб не присылал тебе больше сальные приколы по электронной почте, что тебя это достало. И пусть Кристина из Slimming World поменьше болтает о том, что она была первой девушкой твоего мужа. Может, ей досталась его невинность, но ты забрала его сердце. А мужу скажи, что ты не любишь помидоры. Он кладет их тебе в багет, потому что видит, в каком ты стрессе. Он думает, что так вкуснее. Он так проявляет заботу о тебе, поняла? Ему невдомек, что к часу дня багет успевает размокнуть от помидорного сока и тебя это бесит.

Она снова кивает.

– Не прячься здесь от проблем, этим ты только делаешь себе хуже. Решай проблемы. Спокойно. Учись постоять за себя – как взрослая. Разговаривай с людьми. А сюда приходи, чтобы полюбоваться видом и покормить уток.

– Овес, кукуруза, горох, – улыбается она.

– Вот именно.

– Спасибо тебе большое за советы.

– Пожалуйста, – говорит он, слетает на землю и шлепает к воде. – Удачи! – Он проплывал по середине озера, и кусок хлеба, брошенный с другой стороны, едва не угодил селезню в голову, но, к счастью, он успел увернуться.

Она встает, но снова садится, почувствовав головокружение. Что-то в словах утки задело ее.

Не прячься. Разговаривай с людьми.

Давненько она этого не слыхала. А вот в детстве от старших постоянно: от мамы на детских праздниках, от папы, где бы они с ним ни были, от учителей, от других взрослых. Потом, когда она повзрослела, – всего один раз от своего бойфренда, который вскоре стал ее бывшим бойфрендом. В точности его слова звучали так: не прячься, говори со мной.

Она всегда пряталась и всегда молчала. В семье она боялась открыть рот, потому что нельзя было сказать родителям, что она думает. Они требовали от нее быть нормальной, но сами не были, и она не могла им этого объяснить. А если так, если нельзя сказать, что происходит на самом деле, то о чем тогда вообще разговор? Они и не разговаривали. Среди близких был только один человек, кто понимал ее в детстве, не попрекая при этом молчанием. При мысли о нем на глаза наворачиваются слезы. Дедушка.

Родители часто ссорились, и, когда, случалось, обстановка в доме накалится, приходит дедушка, забирает ее, и они едут куда-нибудь на машине. С ним они разговаривали. Так, болтали о всякой ерунде. С ним ей было хорошо, спокойно. Она любила запах дедушкиных шерстяных кардиганов. Он смешил ее: вынимал вставную челюсть и, держа в руках, стучал зубами. Ей нравилось трогать его крупные морщинистые руки, и как ее маленькая ладонь целиком

умещается в его лапе, когда он берет ее за руку, и запах табака от кожаной вошеной куртки. Дед курил трубку.

Она любила уезжать из дома, особенно когда ее забирают. Ей казалось, что он ее спаситель, который как по волшебству является в нужное время. Только потом она догадалась, что ему, наверное, звонила мама. И это стало для нее после стольких лет настоящим открытием.

С дедушкой она забывала все свои страхи. Не то чтобы он был для нее лучик света в темном царстве, он скорее помогал забыть, что темное царство существует. Он не требовал от нее объяснений, он и сам все понимал. Он не говорил, чтобы она перестала прятаться, потому что помогал ей убежать, и эти детские побеги стали ее прибежищем, когда она повзрослела.

Он брал ее кормить уток.

Когда у них поднимался крик, грохот, ругань и плач, приезжал дедушка. Заслышав гудок его машины, она бросалась вниз по лестнице вон из дома, от страха не дыша, как дезертир, без оглядки бегущий с поля боя под гром канонады.

Она прыгала к дедушке в машину, где царил мир. Наступала тишина вокруг и в ее голове.

Бывало, они покормят вместе уток, и ей становится легче. У него, кажется, и голос был как у этого селезня.

И вот она сидит на скамейке в парке и, потрясенная, вспоминает его, чувствует его запах, слышит его голос, будто он снова рядом. И то ли улыбается сквозь слезы, то ли плачет с улыбкой. Когда ей становится легче, она встает и идет обратно в офис.

5

Женщина, которая находила следы укусов у себя на коже

Пятно на коже она заметила в свой первый рабочий день, вернувшись после девятимесячного декретного отпуска.

Утро было сумасшедшим. Вечером она, волнуясь, точно назавтра ей первый раз в первый класс, то и дело собирала и разбирала сумку. Все, кажется, было готово, спланировано, обдумано: контейнеры со свежим пюре на целый день стояли в морозилке, и один в холодильнике, готовы были школьные ланчи, собраны школьные сумки, подготовлены в ясли памперсы, немаркая одежда для прогулок после школы старшим и вещи, чтобы переодеть младшего – если вдруг намочит штанишки, запоносит от новой смеси или еще что-нибудь. Школьную форму она выстирала и отутюжила, спортивные костюмы достала... Все вроде бы наперед организовала и предусмотрела, а улечься им не удалось допоздна.

Ночью она не могла уснуть от беспокойства, перебирая в уме запасные варианты – на случай, если что-то пойдет не так. Но прежде всего ее тревожило возвращение на работу. Сможет ли она продолжить работать по-прежнему? Хотя бы не накосячить, как иной раз дома. Однажды она приправила жаркое из цыпленка мыльной пеной, а потом схватила банку томатных консервов и вышла на крыльцо, пытаюсь – на глазах изумленных детей – выдувать из них пузыри. Не утратила ли она квалификацию? Не заржавели ли мозги? Обрадуются ли клиенты ее возвращению? А вдруг ее заместитель проявил себя как более умелый, быстрый, эффективный, более выгодный работник? Что, если к ней станут придирааться, нарочно выискивать недостатки, ища предлог, чтобы уволить мать троих детей? На ее место много желающих – холостые парни, семейные мужчины постарше, незамужние девушки, бездетные женщины – те либо не могут иметь детей, либо не хотят, опасаясь, что дети навредят карьере. Эти готовы сидеть на работе до ночи, приходить ни свет ни заря – словом, менять свое расписание при первой необходимости.

Она отвезла старшего, шестилетнего, в школу, среднего, трехлетку, в центр Монтессори, и девятимесячного в ясли, и всякий раз ей это было словно ножом по сердцу. Дети рыдали, куксились, глядя на нее укоризненно: почему ты меня бросаешь? Их страдальческие, жалобные гримасы так и стояли у нее перед глазами. И впрямь: почему она их бросила? Она провела дома чудесные девять месяцев. Хотя с детьми не соскучишься. Ни дня не обходилось без того, чтобы ее не довели до белого каления – но ее истерические вопли пугали не столько детей, сколько ее саму. Все-таки они были вместе, и ее крошки не страдали от недостатка материнской любви. Чего же ей не хватало? Работать ей совсем не обязательно, поскольку едва ли не весь ее заработок будет уходить на оплату школы и яслей. Если бы они продолжали экономить, она бы спокойно могла и дальше сидеть дома. Нет, деньги им нужны, но это не главное. Она возвращается на работу, потому что ей это необходимо. Она любит свою работу. Она хочет работать. И муж только за – но не для того, чтобы сообща тянуть кредитную лямку. Ему снова хочется увидеть ту женщину, которой она была, когда они познакомились – довольную жизнью, более уверенную в себе, потому что она ценный, полезный, уважаемый коллегами сотрудник, а не истеричка какая-нибудь. Хотя в то утро она была далека от его идеала.

Когда она передала младшего в руки няньке с бейджиком «Эмма», сердце ее болезненно сжалось. Как она ненавидит эту Эмму! Нет-нет, она ее любит – Эмма ей нужна. Малыш заревел, и в ответ из набрякших сосков брызнуло молоко. На ее шелковой блузке и так уже проступили темные пятна – дети были ни при чем – она просто взмокла от пота. В машине, проклиная жару, она подставила мокрую грудь под кондиционер, потом сунула по капустному листу в

чашки бюстгальтера и стала крутить ручку настройки радио, чтобы не думать о брошенных ею крошках.

Вечером, осматривая себя после душа, на правой груди, самой мясистой части тела, она заметила красное пятно.

– Это сыпь, – сказал муж, – от жары.

– Нет, не похоже...

– Да ладно, у тебя всегда появляются такие пятна после горячего душа.

– Не такой уж он был и горячий, – возразила она. – Да я уж двадцать минут, как вышла из ванной.

– Ну, значит, сухая кожа.

– Нет, я ведь только нанесла крем.

– Что же это тогда?

– Вот я тебя и спрашиваю.

Он, сощурившись, присмотрелся.

– Может, это Дуги тебя укусил? Выглядит, как след от укуса.

Она покачала головой. Вроде бы нет. Но, может, и так. Хотя он едва взглянул на нее, когда она вечером забирала его из яслей, и уснул в машине, так что дома она сразу уложила его. Она помнит, с какой мукой отдавала его утром Эмме, но чтобы он кусался – не помнит. Забыла, наверное.

Вымотавшись за день, ночью она спала хорошо, хотя один намочил постель, другой пошел бродить во сне, а третьему вдруг понадобилась бутылочка. Под конец старшие досыпали на ее месте рядом с мужем, а она перешла в кровать к малышу. И все-таки – в их положении – лучше не придумать.

На следующий день пятно на груди потемнело, стало фиолетовым, а на правой ягодице появился второй синяк, который был замечен после обеда в местном ресторане. За столиком она сидела одна, заказала, что хотелось, даже выпила бокал вина! Потом она пошла в туалет – впервые за долгое время в одиночестве.

Напрасно она грешила на булавку или скрепку какую-нибудь у себя на стуле – там ничего не было. В туалетной кабинке она вынула зеркальце и осмотрела новое пятно: овал крупнее первого, краснеющий на белой плоти ягодицы. Мужу она ничего не сказала, но стала присматриваться к детям – вдруг они и впрямь незаметно покусывают ее.

Впервые она серьезно обеспокоилась во время деловой поездки в Лондон, заметив, как пассажиры в самолете таращатся в ее сторону. Зато дети не лезли к ней в кресло, не тянули за ремень и не нужно было отвлекать их, чтобы они не пинали переднее сиденье и не носились с визгом по проходам.

Когда самолет приземлился, она сразу побежала в туалет. Вся шея ее была покрыта крупными красными пятнами и мелкими вмятинами, будто ее впрямь искушали.

Шею она повязала платком, и, несмотря на духоту, не снимала его в машине всю дорогу из аэропорта, потому что с ней ехали коллеги-мужчины. В гостинице оказалось, что пятна уже обсыпали левую руку. Потом она позвонила домой по скайпу. Дети бесились и не обращали на нее внимания, но, когда она показала пятна – явно укушенные раны – мужу, тот раздраженно и подозрительно спросил:

– Это кто у тебя там?

Они поссорились, и ночью она не могла заснуть от злости и обиды, хотя кровать была целиком в ее распоряжении. Да еще в час ночи заревела пожарная сигнализация, и она полчаса мерзла на улице в одной ночной рубашке, пока постояльцам не разрешили вернуться в свои номера.

Когда она приехала домой, малыш отказывался идти к ней на руки. Он жался к отцу, а едва она приближалась, начинал визжать как резаный. Ей и самой было впору завизжать – все

жутко болело. Услышав, как она всхлипывает в ванной, муж вошел и увидел ее истерзанное и опухшее тело, покрытое кровоподтеками и ссадинами всевозможных размеров и цветов. Он понял, что дело серьезное. Боль сводила ее с ума.

Назавтра она отправилась к врачу. Было воскресенье, и ей не хотелось отрываться от детей, но муж настоял. Ее мать вызвалась забрать внуков на день к себе. Боль усиливалась.

Врач была озадачена не меньше, чем она сама, и явно заподозрила неладное. Подтвердила, что это шрамы от укусов, прописала обезболивающее, мазь, и на прощание сунула ей в сумку брошюру в помощь жертвам домашнего насилия. Сказала обращаться, если не наступит облегчения.

Три недели спустя она изменилась до неузнаваемости: пятнистое, рябое лицо, ввалившиеся щеки, торчащий подбородок, обсыпанные коростой уши, точно ее кусают со всех сторон, отрывая куски плоти. На работу она ходила по-прежнему, она не могла позволить себе пропуски после декрета, длившегося девять месяцев. Ей нужно было слишком многое доказывать, много догонять. Но силы были на исходе, она была измучена, опустошена. Анализы крови, назначенные врачом, оказались в норме. Ничто не указывало на причины, способные вызвать появление пятен. Дома они провели дезинфекцию и вместо ковров настелили паркет, чтобы по крайней мере не беспокоиться насчет пылевых клещей.

Дети больше не рыдали, когда она уезжала от них по утрам, но зато рыдала она по пути на работу, чувствуя себя еще хуже. Прежде чем выйти из машины, она наносила на лицо толстый слой тонального крема, дабы в конторе выглядеть как подобает суперкомпетентному профессионалу. Если по выходным у них случались пикники с друзьями и коллегами, свои искусанные ноги она маскировала искусственным загаром, и все видели в ней внимательную жену и друга, не догадываясь о безобразных пятнах, покрывающих ее кожу.

Соскучившись за день по своему малышу, в машине она пыталась не давать ему уснуть. Чего она только не делала – опускала стекла, проветривая салон, громко пела, врубала радио на всю катушку, но все было напрасно – его веки слипались, и в 6:30 он уже спал. Работу она стремилась свернуть к пяти: завершить переговоры, сделать все телефонные звонки. Покончив с делами, она выбегала из офиса, чтобы быстрее увидеть малыша, но каждый раз, под ход машины, его длинные ресницы, встрепенувшись пару раз, смыкались, и он засыпал.

Еще несколько месяцев спустя она очутилась в больнице. Она лежала, опутанная проводами, трубками, подключенная к аппаратам, мучимая виной за то, что оторвалась от работы, от детей и дома. Они хоть и навещали ее, видеть их ей было больно, потому что она не могла ни толком обнять их, ни взять малыша на руки, ни поиграть с ним. В офисе ее временно перевели на удаленный режим, но она была не в состоянии полностью отдавать себя работе. У нее было чувство, что она всех подводит.

Тело ее было густо покрыто темными шрамами от укусов, которые становились все свирепее. Началось все с легкого покусывания, но теперь чьи-то зубы буквально рвали ее плоть, оставляя кровоточащие раны. Но как ни мучительна была физическая боль, куда хуже она воспринимала невозможность по-прежнему быть всем полезной в любой момент, когда она может им понадобиться.

С тех пор как ее положили в больницу, ей становилось все хуже. С каждым днем пятен на коже становилось все больше, а в тот вечер она с ужасом наблюдала, как на ее правом запястье, там, где бьется пульс, открывается воспаленная язва.

Анализы крови и другие исследования по-прежнему не приносили результатов. Зато на больничной койке у нее нашлось время подумать, побыть в одиночестве – невиданная роскошь с той поры, как она стала матерью. Она не могла ни выйти в коридор, чтобы не сбежались все медсестры, ни даже пошевелиться, прикованная трубками к приборам и капельницам. Ни работы, ни соседей по палате, которые могли бы ей помочь и посочувствовать. Она была одна, наедине со своими мыслями. Мысли бегали туда-сюда, пока ее усталый мозг под конец не

остановился. Сел, подождал, пощелкал пальцами. Отдышался и снова забегал. Мысли задвигались под ритм ее дыхания: вдох-выдох, распределяя, организуя, расставляя все по своим местам. Когда произошло то-то и то-то, что она сказала и чего нет, хотя должна была, и что из этого вышло или не вышло. Мозг ее переживал что-то вроде весенней уборки, чтобы вымести всю грязь, накопившуюся за зиму, и освободить место. Итак, ясный мозг, а вокруг чистота и пустота.

Она огляделась. Как ее угораздило попасть сюда?

Она пощупала запястья – пульс успокоился – что подтверждал прибор, соединенный с датчиком на ее указательном пальце. Коснувшись нечаянно рваного края язвы, она содрогнулась от резкой боли и вспомнила момент, когда эта язва у нее появилась.

В тот вечер ее пришли навестить соскучившиеся муж и дети. Дети, с игрушками в руках, в радостном возбуждении пустились вскачь по палате. Вскоре Барби запуталась в трубках ее новой капельницы, Бэтмен, собранный из деталей лего, прилег отдохнуть под кроватью, мишка Тедди оседлал телевизионный пульт, а дети примостились рядом с ней на кровати, подчищая с подноса оставшиеся у нее после ужина желе и печенье и болтая сто слов в минуту. Она с любовью и умилением слушала их голоса, как они смешно путают слова, торопясь рассказать ей все-все. Муж сидел рядом в кресле и молчал, чтобы они без помех пообщались, лишь с тревогой рассматривал ее при свете лампы.

Потом вдруг раздался деликатный стук в дверь – это добрая медсестра, которая ни слова не сказала, когда они вчетвером ввалились к ней в палату, пришла предупредить, что время для посещения заканчивается. Они оделись, напялили чуть ли не до подбородка свои теплые шерстяные шапки, отчего их мягкие щеки сжались вместе, сунули пухлые ручонки в рукавицы. Каждый чмокнул ее в щеку и губы, сиюсь обхватить ее всю, целиком. И как ни жаль было расставаться, но делать нечего, пришлось их отпустить.

Ее пальцы снова затеребили укус.

Именно тогда, помнится, возникло это ощущение – предчувствие новой раны. Тогда она впервые поняла, что отметины у нее на коже появляются не спонтанно, не сами по себе, но вполне закономерно. Тогда она впервые нащупала эту связь.

Она поцеловала мужа и снова стала извиняться.

– Не надо, – сказал он, – просто выздоравливай.

И перед детьми она извинилась.

– Ты не виновата, мама, что заболела, – запищали они.

Они вышли. Слыша из коридора их отдаляющиеся голоса, она чувствовала, что наоборот – бесконечно виновата перед ними. И перед собой. Виновата, потому что виновата.

Ее пальцы замерли на запястье. Это все чувство вины. Когда она едва не уронила ребенка возле кровати, она готова была возненавидеть себя. Когда опаздывала забрать их из школы, ее тоже мучила вина. Она казнилась, когда ей не давали отгул во время их болезни. Ей было стыдно за беспорядок в доме, и по ее вине подруга, у которой случилось несчастье, скрыла это от нее. Как она могла не заметить ни усталости, ни предательски потухших глаз, ни недо-молвок? Это же очевидно. Она была виновата, что забыла позвонить родителям, как обещала, хотя сто раз собиралась, но что-то ее отвлекло. Виновата, что торчит на работе, когда ее ждут дома, виновата, что сидит дома, когда должна быть на работе. Виновата, что потратилась на пару туфель, что взяла у детей кусок пиццы, что забросила спортзал.

Вины в ней накопилось столько, что она сама стала олицетворением вины.

Ее бесило, что она все время, как ей казалось, оказывается не в то время и не в том месте. Что ей всегда нужно искать объяснений, оправданий. Она ненавидела, когда ее осуждают, и чувство, что ее осуждают, когда никто и не думал ее осуждать. Она ненавидела эти ложные сигналы тревоги.

Все это было неправильно, жуть как неправильно. Она понимала, что эти мысли иррациональны, от них один вред, ведь она любит свою работу и любит своих детей. Она хорошая мать.

Пальцы снова скользнули по запястью. Она взглянула – и глазам своим не поверила: неужели? Самый последний воспаленный укус явно побледнел. Нет, он не исчез, но язва точно начала заживать. Она так удивилась, что даже подскочила, как и показатели на приборе, измеряющем сердечный ритм.

Вина.

Это все чувство вины.

Вина буквально съедала ее заживо, и кожа ее стала как лоскутное одеяло.

Это ужасно, но теперь она хотя бы понимает причину своей загадочной кожной болезни, и впереди для нее забрезжил свет. Она всегда знала: выяснить, в чем дело, – это уже полдела. Так и детей учила, когда тем случалось надолго захандрить.

Она скорее закатала рукава рубашки и осмотрела кожу. И правда: укусы бледнеют, даже самые яркие, и, глядя на это, она припомнила обстоятельства появления каждого пятна. Дело-вая поездка в Лондон. Вторые сутки круглосуточных собеседований с потенциальными няньками. Школьная поездка в музей, куда она не смогла сопровождать своих крошек. Десяти-летний юбилей их свадьбы, когда ее, пьяную, вывернуло на нарциссы перед домом, а потом сморило на полу в ванной. Третий подряд отказ на приглашение на ужин к друзьям. Каждый из шрамов символизировал такой отказ или того хуже – отказ в помощи.

Но, зная, что ничего страшного она не совершила, она не хотела верить ни себе, ни твердившим ей о том же близким. И напрасно.

Она поднялась с кровати, выдернула из вены капельницу и сняла с пальца датчик. Под громкий встревоженный писк машин взяла сумку и начала собираться.

– Что вы делаете? – прибежала медсестра по имени Энни, очень по-доброму заботившаяся о ней.

– Спасибо за все, что вы для меня сделали, Энни, и простите, что отняла у вас время, мне очень жаль... – Она осеклась, снова ощутив это проклятое чувство вины. – Нет, не жаль. Спасибо вам. Я признательна вам за доброту и заботу, но я должна идти. Мне лучше.

– Вам нельзя, – ласково возразила Энни.

– Взгляните. – Она подняла руки.

Энни недоверчиво пощупала исчезающие шрамы у нее на руках, потом опустилась на колени, приподняла подол рубашки, чтобы осмотреть ноги.

– Но как?..

– Я позволила чувству вины завладеть мной, – объяснила она, – и вина меня почти загрызла. Но я сумела ее остановить, и больше я такого не допущу.

По крайней мере, постарается. Она может. У нее получится. Потому что она так хочет и потому что так нужно. Потому что это ее жизнь, другой у нее нет, и она проживет ее на славу. Она будет наслаждаться каждым мигот. Она будет работать, любить свою семью, не ища этому оправданий и объяснений.

Почувствовав ее решимость, Энни улыбнулась.

– Почему вы так торопитесь?

Она остановилась и задумалась. Ну вот, снова!

– Пятна побледнели, но пока видны. Если вы поспешите, они могут вернуться. Предлагаю вам полежать в постели до полного выздоровления, отдохнуть.

Ладно уж, так и быть. Еще одну ночь. Чтобы выспаться, не чувствуя вины. А потом она вернется домой, вернется к себе. И отпразднует свое возвращение.

6

Женщина, которая думала, что ее зеркало сломано

– Ш, Б, М, Н, К, П, М, Б, Ш, – называет она буквы в таблице, закрыв один глаз ладонью.

– Хорошо, достаточно, – говорит врач.

Она опускает ладонь и смотрит на него вопросительно.

– Ваша зрительная функция в норме, – говорит он.

– И что это значит?

– Это значит, что в норме четкость зрения, зависящая от оптических нейронных сетей, фокусирование светового луча на сетчатке, состояние и функция самой сетчатки и чувствительность преобразующего аппарата мозга.

– Гарри, я нянчила тебя в детстве. Я помню, как ты плясал перед зеркалом под Рика Эстли³ – голый по пояс и с баллончиком дезодоранта в руке, будто это микрофон.

Он молча хлопает глазами и розовеет от смущения. Он понимает, что она хочет этим сказать – не говори со мной свысока.

– Ну, это значит, что зрение у вас сто из ста. Лучше не бывает.

– Нет, – вздыхает она, – бывает. Я тебе уже говорила. Это мои глаза, мне лучше знать.

– И это очень странно. – Он нервно ерзает в кресле, и профессиональный апломб мигом слетает с этого мальчишки. – Не понимаю. Вы жалуетесь на ухудшение зрения, но у вас при этом не болит голова, глаза не чешутся, видите вы все четко, читаете текст без усилий. Вдаль вы тоже видите отлично – вы читаете нижнюю строчку в таблице, чего многие не могут. Не понимаю, в чем проблема.

Она смотрит на него, словно опять застучала его в окне туалета с сигаретой. Он тогда кричал ей из-за двери, что у него, мол, живот прихватило, но она открыла замок монетой и вышвырнула его вон. А потом у него и впрямь прихватило живот – от страха, – она была зверь, а не нянька. И пусть прошло двадцать лет, от одного ее взгляда у него по-прежнему душа уходит в пятки.

Он пытается бодриться. Вспомнив, что он взрослый, женатый, у него двое детей, дом на побережье Португалии, где они проводят отпуск, и наполовину выплаченный кредит за жилье. Она больше не может причинить ему боль. Он выпрямляет спину.

Она делает вдох и выдох. Считает про себя до трех. Перед ней квалифицированный опытный врач и в то же время глупый подросток, который тайком дробил в носок.

– Это началось несколько недель назад, – говорит она.

– Что?

– Проблемы с ногами...

Он смотрит на нее непонимающим взглядом.

– Вы что, издеваетесь?

– Конечно! Иначе зачем же я тогда пришла?

– Насчет глаз.

– Ах, вот оно что.

Муж и отец семейства исчезли, остался только смущенный подросток. Он помнил про носок.

– Точно не скажу, но это началось примерно три недели назад. Я проснулась утром после своего дня рождения совершенно разбитой. Такого со мной еще не бывало. Я подумала, что

³ Эстли Рик (род. 1966) – британский певец, наибольшую популярность имел в 1980-х годах.

это у меня с похмелья – накануне я пила текилу, – но прошло еще несколько дней, и я поняла, что дело не в текиле, а во мне.

– Что же с вами стряслось?

– Они видят меня неправильно.

– Ваши глаза видят вас неправильно?

– Именно. Они видят меня не так, как должны. Они показывают мне другую меня, неправильную версию, будто это не я, а невесть кто. Они испортились. Может быть, это не зрение, глаза не виноваты. Мне нужен рентген, МРТ или еще что-то. Возможно, это не склера, не зрачок, не радужка... Ну, что-то другое, другой орган.

Он смотрит на нее, недоумевая, будто она вдруг заговорила на тарабарском языке. Ей хочется напомнить ему, как он записал порно на видеокассеты и пометил: «футбол». Это выяснилось, когда ее ухажер пришел помочь ей присмотреть за этим мальчишкой. Нет, не стоит. Эти умники не понимают, не их вина, что у них не извилины в голове, а прямые палки.

– Давайте разберемся. – Он наклоняется вперед, упираясь локтями в колени.

Длинные бедра, руки, пальцы – надо же, какой красавчик вышел из мелкого засранца! По губам его скользит тень улыбки – это ее возмущает. Он кашляет, явно едва удерживаясь от смеха. Напрасно она сюда приперлась.

– Значит, вы смотрите в зеркало и видите другого человека?

– Да, – спокойно отвечает она. – Мои глаза не показывают мне, как я себя ощущаю, а по-другому. Они неправильно передают мне мой образ. Понимаешь? В зеркале я выгляжу не так, как я себя чувствую. Даже страшно становится.

Заслышав дрожь в ее голосе, он перестает улыбаться. На лице появляется мягкость и озабоченность. Она вспоминает, как он жался к ней, проснувшись ночью от страшного сна, в своей плюшевой пижаме с мартышками, и жевал попкорн. Не всегда он был говнюком.

– Как по-вашему: может ли здесь быть другое объяснение? – нежно спрашивает он, и она боится, как бы он не вздумал взять ее за руку. Слава богу, не берет.

Она задумывается. Он что-то пытается ей втолковать, очень деликатно, даже опасливо, лучше бы говорил напрямую как есть. И вдруг – бац! – до нее доходит. Какая же она дура! Она с хохотом запрокидывает голову.

– Ну конечно! Как же я раньше не догадалась? Проблема не в глазах!

Гарри, кажется, испытывает облегчение. Она не станет устраивать сцены у него в офисе, ему не придется ее успокаивать. Он с улыбкой откидывается на спинку стула.

Она радостно хлопает в ладоши и встает:

– Большое спасибо, что принял меня, Гарри. Ты мне очень помог.

– Да? Что ж, я рад. – Он неловко поднимается. – Нет, денег не нужно...

– Ой, не говори глупостей, – она вынимает кошелек, – я и так прилично тебя ограбила – то есть твою семью, и мы оба знаем, что все было без толку! – Она смеется, радуясь, что дело разрешилось. По крайней мере, глаза ее в порядке.

Он смущенно принимает деньги. От квитанции она отмахивается.

– Что же вы теперь станете делать, позвольте узнать? – спрашивает Гарри.

– Ну если зрение у меня отличное, что мне остается? – усмехается она. – Конечно, нужно чинить зеркало!

Стекольщик Лоренс стоит в ее спальне перед большим зеркалом и скребет в затылке.

– И что вы от меня хотите?

– Почините его!

Он молчит.

– Вы ремонтируете зеркала, верно? У вас на сайте указано: изготовление и реставрация стекла и зеркал.

– Да, но... Я, к примеру, изготавливаю зеркала на заказ. Также мы устанавливаем и заменяем стекла, ремонтируем рамы, устраняем сколы – и все в таком роде.

– Отлично!

Он все-таки не понимает. Симпатичный парень. Войдя сюда, он окинул взглядом комнату. Интересно, заметил ли он, что это женская спальня? Тут спит только она, мужа у нее больше нет. Если верить подругам, пережившим развод, самое худшее уже почти позади и свет в конце тоннеля скоро забрезжит. Хорошо бы, а то уже неважно. Да еще эти волнения насчет глаз.

– А в чем проблема? – спрашивает она.

– Проблема в том, что я не вижу никаких проблем с этим зеркалом.

– А если я заплачу вам вдвое, увидите? – смеется она.

Он улыбается, и на щеках у него появляются милые ямочки. Жаль, что она такая растрепанная! Надо было привести себя в порядок перед его приходом.

– Проблема тут есть, поверьте. Замените, пожалуйста, эти звездочки, но раму я хочу сохранить. Она досталась мне от матери. – Видя его заразительную улыбку, она невольно оскаливается во весь рот. Наверное, смотрится это по-дурацки, но как она ни пытается втянуть щеки, все впустую. Его улыбка тоже становится шире. Под его взглядом кожа ее покрывается мурашками.

– Может быть, есть царапины? – Наконец он переводит взгляд на зеркало. Пока его руки привычно ощупывают поверхность, проверяя, цела ли полировка, она не может отвести от них глаз.

– Нет, царапин нет, но зеркало сломано.

– Как это? – хмурится он. Оборачивается и снова скребет в затылке.

И она рассказывает про визит к окулисту и что зрение у нее в полном порядке, и они сообща сделали вывод, что виновато зеркало.

Он молча смотрит на нее, с любопытством, но без давления или осуждения.

– Вам доводилось раньше слышать о такой проблеме?

Он бормочет что-то неразборчивое, а потом уверенно говорит:

– Да, конечно. Такое сплошь и рядом.

– Ах, как хорошо, – с облегчением вздыхает она. – Если бы не зеркало, я и не знала бы, что еще делать.

Он кивает.

– А это ваше единственное зеркало?

– Хм... – Станный вопрос. Она никогда об этом не задумывалась. – Да, единственное. – В последнее время она избегает зеркал. С тех пор как ее жизнь пошла под откос, у нее исчезло желание видеть себя. А когда она снова стала подходить к зеркалу, она осознала эту проблему.

Он снова кивает и окидывает взглядом спальню. Может быть, на этот раз он заметит, что тут спит всего один человек. Разве это не очевидно? По крайней мере, ей очень хочется, чтобы он это понял.

– Мне придется забрать зеркало в мастерскую и вынуть его из панели. Панель нужно заменить, а раму я обновлю. Обещаю, ваше зеркало засияет новой жизнью.

– Ах, вот как? – колеблется она. – Что ж, ладно. – Ей не хочется расставаться с зеркалом.

– Не беспокойтесь, я буду очень осторожен. Я понимаю, как это зеркало вам дорого.

Да, правда. Она снова видит свою мать, которая крутится перед зеркалом, готовясь к выходу, и чувствует себя маленькой девочкой, сидящей рядом на полу. Она наблюдает за матерью, ей хочется, чтобы они пошли вместе, а мать кажется экзотическим созданием, на которое она никогда не будет похожа. Она вдыхает аромат «выходных» материнских духов.

Покрутишься, мама.

Мать вертится туда-сюда. Что бы она ни надела – воздушное пышное платье, летящий клеш или узкую юбку с разрезами по бокам, – упрашивать ее не приходится.

Она снова смотрит в зеркало. Там нет маленькой девочки, но ведь и не должно быть, верно? То, что отражает зеркало, ей не нравится. Она постарела. Она глядит в сторону. Нет, это не она. Это негодное зеркало.

– Ничего, я найду другое.

– Нет, не надо, – говорит он, уверенным жестом кладя ей на руку свою большую теплую ладонь, будто знает, как ей это сейчас необходимо.

От его прикосновения по коже бегут мурашки. Хочется, чтобы это продлилось подольше.

– Вам нужно именно это зеркало. – Он убирает руку и осторожно, любовно протирает раму. – Я вам его исправлю.

– Спасибо, – как школьница хихикает она.

Прежде чем уйти, он говорит:

– Обещайте, что вы не станете заглядывать в другие зеркала, идет?

– Обещаю, – смеется она и закрывает за ним дверь, чувствуя, как кружится голова и тяжело бьется сердце.

Назавтра он звонит и приглашает ее в мастерскую забрать зеркало. Ей кажется, что это лишнее. Но, возможно, он просто хочет увидеть ее? Хорошо бы.

– Разве они не все одинаковые? – спрашивает она.

– Одинаковые? – в шутку возмущается он. – У нас есть простые, сферические, одинарные и двойные зеркала. Я не могу принять решение, пока не узнаю, что вам нравится.

На следующий день она едет в мастерскую. Но прежде прихорашивается – перед зеркалом в ванной. Это зеркало тоже не блеск, но отражение там все-таки ближе к привычному для нее облику. Она красится, волнуясь до головокружения как дура.

Она ожидала увидеть грязный склад или что-то вроде конторы, холодной и безликой, но все оказывается совсем не так, как ей представлялось. Милая деревенская улочка ведет в мастерскую – по-видимому, бывший овин. В стороне стоит коттедж под соломенной крышей. Внутри мастерская выглядит как снимок из журнала об интерьерах. Это не склад, а студия, где находятся удивительные зеркала всех форм и размеров – подобных ей нигде не доводилось встречать.

– Рамы я делаю из восстановленной древесины, – объясняет он, показывая ей мастерскую. – Вот взгляните – это моя последняя работа, она почти закончена. Я использую старый древесный ствол, который нашел тут неподалеку во время лесной вылазки. – Лес подступает вплотную к его мастерской. – Дерево не обязательно должно быть дорогим. Вот эту раму для зеркала в ванной я сделал из старых паркетных досок. – Он указывает на другую работу.

Она проводит рукой по раме, под впечатлением от его мастерства, смущенная тем, что потревожила такой талант, чтобы исправить панель на зеркале. Он говорит, что сам переделал овин в мастерскую, объясняет, что окна тут расположены особым образом, чтобы обеспечить определенное светоотражение. Для нее все это малопонятно, но звучит красиво. Сам он выглядит более опрятно, чем в прошлый раз, когда приезжал к ней в своем фургоне: чистые брюки, рубашка с закатанными рукавами, волосы зачесаны назад, лицо свежевыбрито. Сразу видно: если есть на свете мастер, которому суждено проводить свои дни, работая с зеркалами, то вот он – перед ней. Когда она смотрит на него, у нее возникает давно забытое чувство, посещавшее ее еще в прошлой жизни, когда она была другим человеком, не похожим на себя нынешнюю. Но теперь это чувство сильнее, потому что подкреплено воодушевлением и радостью от его внезапного появления. А ведь она и не надеялась испытать его вновь.

Ее зеркало стоит в углу комнаты. Она подходит, глядит в него – и возвращается в свою юность. Раму он почистил и заново покрыл лаком, и оно стало как новое – таким она помнит

его в родительской спальне, у гардероба, где стояли в ряд отцовские туфли и лежала на полке мамина электрическая плойка для завивки.

Она стоит и смотрит на себя в зеркале. Он подходит и встает у нее за спиной. Она внимательно вглядывается в себя, изучает свое отражение.

– Вы его исправили, – говорит она с улыбкой. Она вернулась. Это снова она – помолодевшая, будто после подтяжки лица или дорогого увлажняющего крема. Ни того ни другого не было, это зеркало виновато, как она и полагала с самого начала.

– Я думала, вы приглашаете меня выбрать панель, а вы меня обманули! – смеется она.

– Но вы довольны? – спрашивает он, и в глазах его зажигаются искры – это зеркала под светом солнца пускают по комнате россыпь солнечных зайчиков, но такое впечатление, что светится он сам, освещая комнату.

– Еще как. Оно совершенно, – заключает она, снова окидывая взглядом зеркало.

И вдруг замечает какую-то красную точку, точно капля красной краски случайно попала на зеркало. Она хочет пощупать, но пальцы ее ничего не находят. Она озадаченно оборачивается к мастеру.

– Что вы с ним сделали?

– Взгляните в зеркало еще раз, – говорит он, странно меняясь в лице.

Это какой-то трюк. Она поворачивается, заново осматривает раму, само зеркало, но на себя не смотрит, потому что ей становится до дрожи неловко под его взглядом. Красная точка никуда не исчезла. Может быть, это наклейка какая-то, нужная для тестирования? Хотя она же проверяла – на стекле ничего нет. Она оборачивается, чтобы посмотреть ему в глаза, – это точно мое зеркало?

– То же самое, я ничего с ним не делал. Вам знакомо выражение «синхронный контраст»?

Она отрицательно качает головой.

– Это такое явление в живописи.

– Вы еще и художник?

– Любитель.

Она улыбается.

– Некоторые краски, если нанести их рядом, выглядят в наших глазах по-другому. Но сами краски не меняются, меняется только наше восприятие.

Она понятия не имеет о таких вещах и не знает, зачем он ей это говорит, но ей нравится слышать звук его голоса.

– Взгляните на свое отражение, – тихо советует он.

Она медленно поворачивается. И видит постаревшее лицо, оплывший овал, морщины вокруг глаз, погрузневшую фигуру. Она даже блузку поднимает, несмотря на смущение. И когда она это делает, в зеркале снова появляется красная точка. Но теперь она не щупает стекло, она оглядывает собственное тело. Ах, вот оно что – у нее на руке красная наклейка.

– Откуда это? – спрашивает она, снимая ее.

Мастер усмехается.

– Ага, это вы сделали. – Она вспоминает, как удивилась, когда он взял ее за руку. Тогда-то он и успел пометить ее.

– Это тест. Мы, мастера, всегда так делаем, – со смехом отвечает он.

– Сначала я подумала, что это на зеркале, а теперь вижу, что на мне.

Он кивает.

– Это не зеркало, это я, – повторяет она, наконец догадываясь, в чем дело. – Зеркало-то не сломалось, это все я, с самого начала.

– Но я бы не сказал, что вы *сломались*, – отвечает мастер, – тут вопрос зрительного восприятия. Я не хотел трогать зеркало, оно безупречно.

Она снова смотрит на свое отражение. Разглядывает лицо, тело... Да, она постарела. По ощущениям, за этот год она постарела больше, чем за пять предыдущих лет. И вот как она теперь выглядит. С возрастом она меняется, и в некотором роде становится даже красивее, но есть изменения, с которыми трудно смириться.

– Ну что? – спрашивает мастер, – не стоит менять зеркало?

– Нет, спасибо. Оно совершенно, – отвечает она.

7

Женщина, которая провалилась сквозь пол и встретила внизу много других женщин

Виной всему была рабочая презентация. Она со школьных лет ненавидела презентации. У них в классе были два идиота, сидевшие на задней парте, которые всегда шипели, видя ее пылающее лицо у доски, – ш-ш-ш-ш-ш. Они всех доставали, но ее в особенности: она была легкой добычей – ее щеки вспыхивали, стоило ей услышать звук своего голоса и почувствовать на себе чужие взгляды. Эти взгляды просто шкуру с нее снимали как овощечистка.

С возрастом краснота уменьшилась, но зато появилась нервная дрожь в коленях. Известно еще, что хуже: румянец на лице хотя бы не мешал говорить, но дрожь в коленях распространялась на все тело, ее трясло словно от холода, несмотря на потные подмышки. Юбка на ней нелепо, карикатурно дергалась, и ей казалось, что она слышит какой-то стук, будто она мешок с костями, который берут и встряхивают. Приходилось прятать руки или сжимать кулаки. Если же на выступлении ей требовались шпаргалки на листах бумаги – тут уж не спрячешься. Лучше, конечно, класть листы на стол, ладони держать сжатыми в кулак или брать в каждую по ручке. Сидеть всегда предпочтительнее, чем стоять, надевать брюки, а не юбку, причем зауженные, без излишков дрожащей понизу ткани, но в талии свободные, чтобы дышать было легче. Вообще придерживаться нужно непринужденного стиля – кофе или чай пить из пластиковых стаканчиков, чтоб никакой стеклянной посуды, предательски звенящей в дрожащих руках.

Нет, не то чтобы она не знала, о чем она говорит. Знала, и преотлично. У себя дома она произносила речи, достойные конференции TED⁴. В своей квартире она была самым компетентным, самым вдохновленным на свете певцом квартальных продаж. Она была Шерил Сэндберг⁵ на TedTalk и Мишель Обама в одном лице, воительница, наповал бьющая фактами и цифрами, как никто уверенная в себе, – но это дома, ночью, одна.

Презентация проходила хорошо, не с таким, конечно, блеском, как репетиция накануне вечером, без пронизательных аллюзий насчет своей личной жизни, без остроумных цитат из масс-медиа. Обошлось и без пародии на популярный рекламный ролик, которую она удачно представила вчера для своей воображаемой публики. Но так было надежнее, уместнее, лучше и не надо, вот только фраза-паразит «по сути» отчего-то прилипла к ней и вылезала в каждом предложении, хотя в жизни она никогда такого не говорила. После презентации они собирались с друзьями в бар, где она, конечно, повеселит их самокритикой насчет этого «по сути». Они выпьют за «по сути», будут целый вечер везде это вворачивать, устроят конкурс, может быть, даже придумают новую игру.

– Простите, мистер бармен, – скажет кто-нибудь, наклоняясь над стойкой и вопросительно изгибая бровь, – можно еще один, по сути, Космо?

И их компанию захлестнет дикий хохот...

Но она слишком увлеклась, чересчур размечталась. Все шло хорошо, пока она не позволила грезам овладеть ею, увести в сторону ее мысли. Непонятно, как это случилось, но все полетело к черту. Вокруг сидели ее коллеги – кто-то уже расслабился, отстрелявшись по презентации, кто-то с нетерпением дожидался своей очереди, и тут открывается дверь и входит Джаспер

⁴ Американский некоммерческий фонд, который проводит ежегодные конференции (TedTalk), посвященные уникальным идеям в различных областях знания (наука, искусство, политика и т. д.).

⁵ Сэндберг Шерил Кара (род. 1969) – американская предпринимательница, работала в Министерстве финансов США, компаниях Google, Facebook. По версиям разных изданий постоянно входит в число самых влиятельных людей в мире.

Годфрайз, исполнительный директор. Их новый начальник, который никогда в жизни не посещал собрания в отделе продаж. Сердце ее затрепетало, точно крылышки колибри. Колени, пальцы так и заходили ходуном, будто ее тело готовится к взлету.

– Простите, что опоздал, – извиняется он перед удивленной аудиторией, – меня задержал срочный звонок из Индии.

В зале нет свободных стульев, потому что никто его не ждал. Люди теснятся, сдвигаются, а она стоит, глядя на них и нового директора, с дрожащими коленями и тяжело бьющимся сердцем.

Коллеги видят, как трепещут листы бумаги в ее руках. Кому-то жаль ее, кому-то смешно, а иные как будто и не замечают ее заминки. Джаспер Годфрайз смотрит ей прямо в глаза. Она пытается расслабиться, успокоиться, дышать ровно и глубоко, но не может. Мысли смешались. «Здесь директор, директор, директор...» – стучит в голове. Она не ожидала, что он будет здесь. Она этого не планировала, не предусматривала ни в одном из возможных сценариев своей презентации, которые обдумывала всю неделю. «Думай, думай, думай», – мысленно твердит она себе, пока все сидят и смотрят.

– Может быть, начнешь сначала? – советует Клер, начальница их отдела.

«Иди ты к черту», – в бешенстве думает она и с улыбкой отвечает:

– Спасибо, Клер.

Она смотрит в свои записи, переворачивает страницу, но буквы в глазах у нее расплываются. Она не может ни читать, ни думать, может только чувствовать, ощущать свое волнение, тремор в коленях, ногах, пальцах, сжимающие желудок судороги. Все, наверное, видят, как бешено бьется сердце у нее под блузкой. В голове пустота...

Клер снова говорит что-то поощрительное. Все шелестят страницами, возвращаются к началу. Она не может. Нет, только не сначала. Она не готовилась делать презентацию дважды.

В горле ком, в желудке слабость. Паника. Пузырь воздуха медленно, тихо выползает из нее. Хорошо еще, что бесшумно, но вскоре горячий и зловонный запах ее паники расплзается по залу. Колин чувствует его первым. Вздрагивает и прикрывает рукой нос. Он знает, что это она. На очереди Клер. Да, вот она выпучивает глаза и тянется прикрыть ладонью нос и рот.

Она смотрит в свои бумаги, отчаянно дрожа, сильнее, чем когда-либо, и впервые за двадцать пять лет горячий румянец снова вспыхивает у нее на лице и горит, жжет ей кожу.

– По сути, – слетает с ее губ, а вслед затем она издает нервный смешок.

Все поднимают головы и таращатся на нее – с удивлением, изумлением, раздражением – каждый по-своему. Осуждающе. Бесконечно длится ужасная тяжелая тишина. Ей хочется выбежать из комнаты или чтобы пол разверзся у нее под ногами и проглотил ее.

И тут как раз все и происходит. Большая и прекрасная черная дыра открывается между ней и столом. Темная, приятная, она манит к себе. Она не успевает ни задуматься, ни испугаться. Где угодно лучше, чем здесь. Она делает шаг и летит в темноту.

Она падает, падает сквозь темноту и приземляется где-то в темноте.

– Ой, – потирает она зад. Потом, вспомнив, что случилось, прячет лицо в ладонях. – Черт побери.

– И ты тоже, да?

Она опускает руки и видит рядом с собой женщину, которая сидит, сжавшись в комок, и прячет лицо между колен.

– Где мы, а?

– Корчивиль, – стонет женщина, – о боже, какая я идиотка. – Она поднимает искаженное болью лицо.

Потом появляется еще одна женщина – в белом свадебном платье. И с бейджиком на груди, где написано: Анна. Ей все равно, что натворила Анна, она не хочет думать ни о чем, кроме своего собственного позора, снова и снова переживая его и анализируя.

– Я назвала его Бенджамин, я назвала его Бенджамин, – как заведенная повторяет Анна и смотрит на нее, будто она может понять всю тяжесть этого преступления.

– А он, значит, не Бенджамин?

– Нет! – рывкнула Анна, а она от неожиданности подскочила. – Он Питер. Питер!

– Ну да, разные совсем имена, – соглашается она.

– Вот именно. – Анна трет глаза. – Бенджамин был мой первый муж, а я в середине своей свадебной речи назвала моего нового мужа Бенджамином! Ох, надо было видеть его лицо!!!

– Чье? Бенджамина?

– Нет, Питера!

– А, понятно.

Анна крепко зажмуривается, пытаясь прогнать видение.

– Бедняжка, – сочувствует ей подруга по несчастью, с облегчением понимая, что у нее самой не так уж все и плохо. По крайней мере, ее конфуз произошел не на собственной свадьбе. Хотя – начальство, коллеги, люди, которых она каждый день встречает на работе – нет, это ужасно. Она снова горестно вздыхает.

– А ты тут почему? – спрашивает Анна.

– Я струхнула во время рабочей презентации и от страха испортила воздух в конференц-зале, где сидели мои коллеги и новый директор, на которого я хотела произвести впечатление.

– Ах, вот как... – дрогнувшим голосом говорит Анна, явно едва удерживаясь от смеха.

– Это не смешно! – корчится она и снова прячет в ладонях пылающие щеки.

Вдруг в потолке над ними открывается дыра, откуда бьет яркий свет и в глаза им сыплется песок. Вместе с песком сверху падает женщина и с грохотом валится рядом.

– О боже, – хнычет женщина. На бейджике у нее написано: Юкико.

– Что случилось? – спрашивает она новенькую, желая забыть собственное унижение. Какие же у них были лица, когда они учуяли испорченный ею воздух!

Юкико поднимает голову с болезненной гримасой:

– Я только что прошла вдоль всего пляжа, не замечая, что одна грудь вывалилась из купальника! Я еще удивлялась: почему все на меня так смотрят? И подумала: какие дружелюбные тут люди... О боже...

Потолок снова открывается. Кто-то играет на фортепиано, вкусно пахнет съестным.

В дыру прыгает женщина. Она приземляется на ноги, одергивает неприлично задрвшую юбку и уходит одна в темноту, бормоча по-французски. Они не успевают ни прочитать ее имя, ни окликнуть ее, чтобы спросить, как ее зовут. Впрочем, им все равно.

– Интересно, надолго нас сюда отправили? – спрашивает Юкико.

– Надеюсь, навсегда, – отвечает она, усаживаясь в углу. Снова вспоминает свою презентацию, лица коллег и вздрагивает.

– Две женщины до меня улетели обратно, – говорит Анна, – наверное, подошло их время.

– Небось их перестало корчить, – замечает она, надеясь, что ее время подойдет еще при ее жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.